

Элино́р Фа́рджон
Седьмая принцесса (сборник)
Серия «Волшебная страна (Махаон)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9600845
Седьмая принцесса: Азбука-Амтикус; Москва; 2015
ISBN 978-5-389-10083-1

Аннотация

Элино́р Фа́рджон – одна из самых читаемых и почитаемых в Великобритании сказочниц. За долгую писательскую жизнь она опубликовала около 60 книжек для детей и взрослых. В 1956 году ей первой среди детских писателей всего мира была присуждена Золотая медаль имени Х. К. Андерсена. Престижную международную награду Фарджон получила за сборник «Маленькая библиотечка». Сказки и рассказы из знаменитого сборника и вошли в эту книгу.

С легкой улыбкой Элино́р Фа́рджон рассказывает своим юным читателям о самых важных вещах на свете – о простой, но верной любви, о сострадании к ближнему, о вере в людей и о заветных мечтах.

В формате pdf A4 сохранен издательский дизайн.

Содержание

Золотая рыбка	8
Щенок-спаниель	14
Маленькая портниха	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Элино́р Фардзо́н Седьма́я принцесса

Eleanor Farjeon
THE LITTLE BOOKROOM

© THE LITTLE BOOKROOM © Miss E. Farjeon Will Trust, 1955
© Варшавер О. А., перевод на русский язык, 2015
© Рудько М. С., иллюстрации, 2015
© Оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2015
Machaon®

* * *

Элино́р Фардзо́н

.....

СЕДЬМАЯ ПРИНЦЕССА

Сказки, рассказы, притчи

Золотая рыбка

Жила-была золотая рыбка, маленькая, совсем малёк. Жил наш малёк в морских глубинах в те незапамятные времена, когда всем рыбам – и большим, и малым – там хватало места. Жил малёк мирно и счастливо, одна лишь была забота – не угодить в рыбачьи сети. Отец всех рыб, морской Царь-Нептун, наказал детям строго-настрого: к сетям не подплывать. И рыбы легко избегали опасности, а среди них и наш золотой малёк. Он резвился на просторе в голубых и зелёных водах, а в жару спускался к самому дну, зарывался там в песок или медленно пробирался меж раковин, жемчужин и кораллов, возле огромных валунов, поросших анемонами, а вокруг вились и колыхались пёстрые жёлто-зелёные водоросли. Иногда золотой малёк всплывал на поверхность, где по морской глади гнались друг за дружкой белые барашки или огромные валы, будто стеклянные горы, вздымались над бездной и разбивались о скалы на бессчётные тысячи брызг. Иногда, поднявшись наверх, малёк замечал ещё выше, в ясных голубых водах, огромного огненного кита. Кит сверкал не хуже нашего малька, но был большим и круглым, как медуза. Порою же вместо золотого кита в вышине появлялась невиданная серебряная рыба. Небо тогда бывало тёмным, а рыба то круглилась, то плыла боком, выставляя вперёд острые серебряные плавники. Наш золотой малёк завидовал огромному огненному киту и ревниво следил, как он плывёт в голубой дали. Зато в серебряную рыбу он влюбился с первого взгляда и всё стремился к ней, в вышину. Но, странное дело, мальку всё время что-то мешало: только всплывёт на поверхность – дыхание тут же сбивается, и малька отбрасывает обратно в глубины, откуда серебряной рыбы даже не видно. Тогда золотая рыбка-малёк бросался в погоню, летел по бесконечным морским просторам вслед за серебряной рыбой, а та опускалась всё ниже и ниже – вот-вот нырнёт в море... Но – увы! – ни разу не довелось им встретиться.

Однажды ночью был полный штиль; наш малёк плыл у самой поверхности и вдруг увидел над головой тень громадной тёмной рыбы. По её брюху тянулся длинный острый плавник, а сама рыба высилась над морем. Всех рыб – и больших, и малых – знал наш малёк, но такой не встречал никогда! Больше кита! А черна-то, черна – точно чернила у каракатицы! Малёк поплавал вокруг, потыкался любопытным носом в брюхо этой громадины и наконец спросил:

– Ты что за рыба?

Огромная чёрная тень качнулась и засмеялась:

– Я вовсе не рыба. Я – корабль.

– Что же ты делаешь в море, раз ты не рыба?

– Сейчас отдыхаю, потому что ветер не надувает мои паруса. Но я дождусь попутного ветра и отправлюсь путешествовать по свету, по миру.

– Что такое мир?

– Всё, что есть вокруг – видимое и невидимое.

– Выходит, я тоже мир? – удивился малёк.

– Разумеется.

Малёк весело плеснул хвостом:

– Вот так новость! Вот так радость!

Проплывавшая мимо морская свинья сделала мальку выговор:

– Что это ты расшумелся?

– Я – свет! Я – мир! – не унимался золотой малёк.

– Кто тебе сказал?

– Рыба-корабль, – ответил малёк.

– Вздор! – отозвалась морская свинья. – Пускай докажет! – И она поплыла дальше.

Малёк присмирел, его радость омрачило сомнение.

– Как это мир может быть невидимым? – спросил он у корабля. – Если мир – это я, значит, я должен видеть его целиком!

– Придётся поверить мне на слово. Такому малышу не увидеть целиком весь мир. За горизонтом всегда будет что-то скрываться – неведомые земли, невиданные чудеса. Наш мир круглый, как апельсин, но и этого тебе не увидеть и не понять.

И корабль поведал мальку о неведомых землях, что лежат за горизонтом, о мужчинах, женщинах и детях, о цветах и деревьях, о птицах с глазами на пёстрых хвостах, раскрывающихся, словно веер. Он рассказал о белых и чёрных слонах, о колокольнях с дивным перезвоном... А золотой малёк плакал от тоски, оттого, что не заглянуть ему за горизонт, не понять, что мир кругл, не увидеть и не объять всего, что есть в этом мире.

Корабль посмеялся над его печалью:

– Дружок, не плачь! Будь ты сама луна или даже солнце на небосклоне, тебе и то не удалось бы увидеть всё разом. Они тоже видят лишь свои полмира!

– Кто такая луна?.. – спросил малёк.

– Вон та серебряная полоска на небе.

– На небе? – удивился малёк. – Я думал, это другое море... А серебряная рыба, значит, зовётся луной?.. Ну, а солнце что такое?

– Огненный шар, который катит по небу днём, – ответил корабль. – Говорят, что он – возлюбленный луны и дарит ей свой свет.

– А я... Я отдам ей весь мир! – воскликнул золотой малёк.

И, пробив морскую гладь, взметнулся ввысь изо всех сил. Но до луны не допрыгнул, свалился обратно в море, золотым камешком опустился на самое дно и горько-горько заплакал. Он плакал много дней. Корабль рассказал ему слишком много, его маленький разум тщился разобраться – и не мог, но душа наполнилась тоской и желанием. Хотелось завладеть серебряной луной, хотелось стать могущественней самого солнца, хотелось увидеть весь мир – сверху донизу, до горизонта и за горизонтом...

Царю-Нептуну, правителю морских глубин, случилось как-то проплывать в тех краях меж белых и алых кораллов. Вдруг он услышал не то смех, не то храп, не то хрюк и увидел жирную морскую свинью – бока её от хохота ходили ходуном. Невдалеке, среди своих слёз, грустил золотой малёк.

Царь-Нептун, как всякий хороший отец, старался делить со своими детьми все беды и все радости. И он спросил морскую свинью:

– Что тебя развеселило?

– Ха-ха-ха! – хрюкала свинья. – Золотой малёк так горюет – обхохочешься.

– Что за горе у малька? – спросил Царь-Нептун.

– Ха-ха-ха! Тоже мне горе! Он тут плачет уже семь дней и семь ночей, все глаза выплакал! Ха-ха-ха! Хочет взять в жёны луну, победить солнце и завладеть миром!

– Ну, а ты? – промолвил Нептун. – Не доводилось тебе мечтать и горевать?

– Мечтать?! – фыркнула свинья. – Эти луна и солнце – простые светильники. Кому они нужны? И о мире нечего плакать – ни потрогать его, ни съесть... Нет, папенька! Вот если у меня обед из-под носа уплыл, я горюю. А на остальное – плевать!

– Что ж, – промолвил Нептун. – Всякой твари есть место в этом море.

Склонившись над золотой рыбкой-мальком, он поднял его на руки и укоризненно погрозил пальцем:

– Ну, будет, детёныш. Хватит плакать. Слезами горю не поможешь. Ты в самом деле хочешь взять в жёны луну, победить солнце и завладеть миром?

– Да, папа! Очень хочу! – восторженно воскликнул золотой малёк.

– Тогда решено! Полезай-ка ты в рыбацкие сети. Вон, видишь, темнеют над головой? Не боишься?

– Не боюсь, если они помогут мне получить всё, чего я так хочу!.. – отважно ответил малёк.

– Что ж, рискни! Твои желания сбудутся! – пообещал Царь-Нептун и выпустил золотого малька.

Тот вильнул плавниками и храбро устремился к разинутой сетчатой пасти. Когда сеть уже почти захлопнулась, Нептун запустил туда ещё одну рыбку и, погладив зелёную бороду, поплыл дальше по своим владениям среди своих чад – больших и малых.

Вы спросите, что же случилось с мальком? Рыбаки выбрали сети, и на дне лодки оказалась наша золотая рыбка-малёк и ещё одна рыбка, серебряная, – прелестная круглая рыбка с шелковистыми плавниками, так похожая на круглую луну.

– Парочка – как на подбор! – восхитился один рыбак и отвёз добычу на берег, своей маленькой дочке. Чтобы обрадовать малышку ещё больше, он купил большой круглый аквариум, насыпал дно песком, бросил туда ракушек, гальки, кораллов и посадил водоросли. Наполнив аквариум морской водой, он пустил туда рыбок и поставил этот маленький стеклянный мирок на подоконник.

Золотой малёк обезумел от счастья. Он подплыл к серебряной рыбке и воскликнул:

– Ты – луна, ты спустилась ко мне с неба! Погляди, как прекрасен и кругл мир! Он твой!

С одной стороны сквозь стекло аквариума виднелись цветы и деревья в саду, с другой – каминная полка, а на ней диковинные слоники, которых рыбак привёз из дальних стран: один чёрный, эбонитовый, а другой – из белой слоновой кости. На стене висел веер из павлиньих перьев с разноцветными сине-зелёно-золотыми глазами, а на другой стене, на полочке, стояла маленькая китайская пагода, увешенная колокольчиками. На дне аквариума был привычный песчано-коралловый мир, а сверху рыбкам светили три улыбки – мужская, женская и детская.

От радости золотой малёк плеснул хвостом и крикнул своей серебряной невесте:

– О рыба-луна! Я теперь могущественней солнца! Ведь я дарю тебе не полмира, а весь мир – видимый и невидимый!

Царь-Нептун, хоть и жил на дне морском, мог слышать своих детей отовсюду. Он усмехнулся в бороду и сказал:

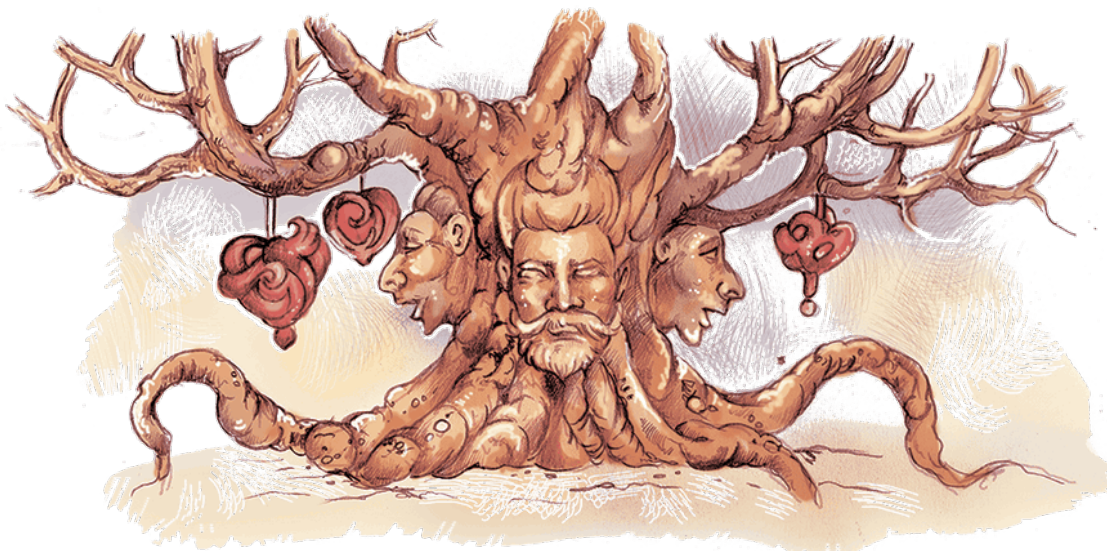
– Нечего такой мелюзге делать в огромном океане. Хорошо, что они получили мир по плечу...

С тех пор золотые рыбки и не знают иного мира, кроме стеклянного аквариума.

Щенок-спаниель

I

Когда у Джо Джолли умер отец, впору было по миру с сумой идти. Всего-то богатства в доме – одна табуретка. Даже дом был чужим, владелец усадьбы сдавал его старику Джолли, своему дровосеку, в счёт жалованья. А по пятницам старик получал остаток положенных ему денег – три шиллинга. Даже топор у отца – и тот был чужой.

Джо вырос в лесах, грамоты не знал, зато любое дело в его руках спорилось. И ещё он очень любил всякую живность, лесную и домашнюю, любил – как дышал, просто и бесхитростно. Так же безыскусно любил он своего отца и частенько помогал ему рубить дрова, хотя ни помещик, ни управляющий даже не подозревали, что Джо есть на свете.

Старик Джолли захворал в четверг вечером, когда всю недельную зарплату они уже проели. Отец присел на свою старую табуретку и сказал:

– Джо, пора мне, видно, на тот свет отправляться.

Наутро он уже не смог встать с постели. Джо сам нарубил дров – сколько положено за день, а на закате пришёл к управляющему за отцовскими шиллингами. Управляющий спросил:

– Ты кто таков?

– Сын Джона Джолли, – ответил парень.

– Почему Джон Джолли не пришёл сам?

– Заболел.

– Кто же будет за него работать?

– Я, – ответил Джо.

Управляющий отсчитал три шиллинга и больше вопросов не задавал. А про себя решил, что, если, паче чаянья, Джон Джолли умрёт, он определит на его место дядьку своей жены: хватит старому хлеб задарма есть да на печи лежать.

Джон Джолли, однако, прохворал ещё почти месяц. Джо ходил за ним, как нянька за малым ребёнком, и один справлял всю работу дровосека. Когда в доме больной, на три шиллинга не проживёшь. Чтобы облегчить страдания отца, Джо постепенно продавал мебель и на вырученные деньги покупал лекарства. Спустя месяц осталось в доме четыре

угла, старая табуретка да материнское обручальное колечко, сделанное из меди, а Джон Джолли мирно покоился в земле, и над ним шелестели травы. Тогда-то Джо впервые всерьёз задумался над своим будущим житьём-бытьём. Впрочем, размышлял он недолго. Восемнадцати лет от роду, проворный и ловкий, точно белка, стройный и загорелый, точно сосновый ствол, что золотится на закатном солнце, – в общем, парень он был хоть куда. Но ничего, кроме отцовского ремесла, не знал и не умел, поэтому решил проситься на отцовское место.

В пятницу, придя за деньгами, Джо сказал управляющему:

- Отец больше не будет рубить вам дрова.
- Отчего же? – спросил управляющий, втайне надеясь на хорошие для себя вести.
- Его Бог прибрал, – ответил Джо.
- Вот как! Значит, освободилось место дровосека, и пятидесяти лет не прошло!
- Возьмите меня на его место, – попросил Джо.

Но управляющий твёрдо решил сбить с рук постылого жениного дядьку. Он поджал губы, почесал нос и, покачав головой, произнёс:

– На это место нужен человек опытный.

Отсчитал три шиллинга, пожелал Джо удачи и отправил парня с глаз долой.

Спорщик из Джо был никудышный. Он-то знал, что опыта ему, несмотря на молодость, не занимать, но понимал и другое: раз управляющий решил его не брать, значит, спорить без толку. Джо вернулся в свою хижину и подумал, взглянув на отцовскую табуретку: «С собой её не забрать, продавать не хочется, на дрова пустить тоже жалко, да и будущему дровосеку надо на чём-то сидеть... К тому же и табуретка наверняка хочет остаться в родных стенах не меньше моего. Только ей – оставаться, а мне – в путь отправляться. Прощай, старая!»

И Джо пустился в путь-дорогу с тремя шиллингами да медным колечком в кармане.

II

Никогда прежде не доводилось Джо уходить так далеко от родных мест. Лес он любил пуще всего на свете, и не манили его чужие дали. Но вот, не прошло и двух дней со смерти отца, а он уже покинул отчий дом и шагает по широкой дороге – к новому и неведомому. Он не загадывал, куда идти, ноги сами несли его туда, куда звала дорога. Джо держал ушки на макушке и вдруг услышал слабый, едва различимый, но знакомый звук – стук топора, такой далёкий, будто стучали с того света. Джо, однако, явственно расслышал его и пошёл в ту сторону.

В субботний полдень послышался другой звук – тревожно и горестно заскулила собака. Джо ускорил шаг, и тропинка вывела его к деревенскому пруду. На берегу толпились мальчишки. Один из них собрался топить щенка и отбивался от красивой спаниелихи, которая всё время скулила и кидалась на него, пытаясь защитить своё дитя. Остальные мальчишки с равнодушным любопытством ждали, кто же возьмёт верх. Наконец тот, что топил щенка, потерял терпение и, ткнув спаниелиху посошнее, размахнулся, чтобы забросить щенка на середину пруда. Но Джо перехватил его руку:

– Не смей!

Рассвирепевший юнец повернулся, досадуя на помеху, но увидел, что соперник выше и сильнее, и в драку не полез. Только сказал обиженно:

- Ты чего? Щенки на то и рождаются, чтобы их топить.
- Щенков топить я никому не позволю, – сказал Джо.
- Так, может, купишь? – спросил юнец.
- Сколько просишь? – спросил Джо.
- А сколько у тебя есть?

– Три шиллинга.

– Сойдёт.

Юнец отдал Джо вислоухого щенка, схватил деньги и дал дёру, а за ним и его дружки. Они гоготали, а первый – пуще всех. Спаниелиха подбежала к Джо и, встав на задние лапы, благодарно лизнула руки, которые держали её щенка так бережно и нежно.

Джо взглянул в её бархатные карие глаза и сказал:

– Пригляжу я за твоим сынком, не бойся, беги к хозяину.

Но один из мальчишек, отбежав подальше, крикнул:

– Он ей вовсе не хозяин! Он её утром на отцовском гумне нашёл, вместе со щенком!

Всласть насмеявшись над простаком, который так бездарно распорядился своими денежками, мальчишки скрылись из виду.

– Не такая уж плохая покупка, – сказал Джо. – Чудесный щенок и мамаша-красавица. Что ж, дорогие мои, станем теперь все радости и невзгоды поровну делить!

Джо сунул щенка за пазуху, он там пошебуршился, пригрелся и затих. И Джо вдруг почувствовал, что это его собственный пёс, и дороже у него на всём свете никого нет и не будет. Отправился Джо дальше со щенком за пазухой да с пустыми карманами, а спаниелиха побежала следом.

III

Денег у Джо теперь не было, и пришлось ему целый день шагать, затянув потуже ремень на голодном брюхе. Он всё шёл на стук топора, который звал его неустанно и слышался уже совсем близко. Наконец Джо вышел к лесу. Покинув родные края, Джо всё время путешествовал полями да лугами и радостно ступил сейчас под сень ветвей – он в любом лесу был как дома. Прошёл несколько шагов и услышал вдруг мяуканье – тихое, точно поскуливание его щенка. Так Джо нашёл котёнка, совсем маленького, с блестящей золотистой шерсткой, – весь он сиял, точно солнечный блик на струящемся ручейке, а глаза мерцали жёлто, будто тягучий свежавыкачанный мёд. Котёнок дрожал, поджимая под себя то одну, то другую слабую лапку, и явно обрадовался, когда Джо наклонился и взял его на руки. Он был так мал, что парень мог спрятать в ладонях его тщедушное пушистое тельце. Котёнок совсем продрог, и Джо сунул его к щенку, за пазуху. Котёнок заурчал там от радости и тепла.

Надвигалась ночь; стук топора становился всё громче, до дровосека оставалось не больше ста шагов. Стук этот был для Джо слаще музыки, он даже замер, заслушавшись. Вдруг раздался треск падающего дерева и стон! Джо бросился на выручку. Упавший ствол придавил дровосека! В сумерках Джо принял было его за отца – так сильно напоминал старик Джона Джолли. Но – чудес на свете не бывает, – подбежав ближе, Джо уверился, что дровосек походит на отца не больше, чем любой другой старик – ведь старость роднит и равняет всех, а уж дровосеков и подавно.

– Сильно покалечились?

– Да поймёшь разве? Выберусь – узнаем, – ответил старик.

Упавшее дерево пригвоздило к земле его правую руку, чуть поодаль валялся топор. Джо разрубил ствол и освободил дровосека. Потом осторожно и умело осмотрел руку: не впервой было ему лечить переломы: сколько заячьих лапок и птичьих крылышек перевязал он в родном лесу! Вскоре боль отпустила старика, и Джо, легко подняв его на руки, спросил:

– Куда вас отнести?

– Мой дом совсем близко, – ответил старик.

Джо прошёл не больше пятидесяти шагов, и они очутились возле хижины, привычной глазу хижины дровосека, только обставленной получше, чем бывший дом Джо Джолли. В углу стояла узкая кровать, покрытая ярким лоскутным одеялом. Сюда-то Джо и уложил

старика. И тут же, без лишних вопросов, принялся готовить ужин: развёл огонь, вскипятил воду; заглянув в буфет и на полку, нашёл кой-какую снедь в глиняных горшках. И вот уже вьётся парок над кружкой с чаем и лежит на блюде хлеб с салом. А старик всё не сводит с Джо острого, проницательного взгляда.

Приготовив дровосеку ужин, Джо расстегнул ворот и вытащил из-за пазухи щенка и котёнка. Спаниелиха устроилась около очага, детёныши принялись на пару сосать её молоко, а собака смотрела на Джо благодарно и преданно.

Джо спросил:

– Не найдётся ли воды и объедков для собаки?

– Воды на дворе накачай, а косточка – на полке, – ответил старик.

Джо нашёл кость, принёс воды в миске и поставил возле спаниелихи.

– Ну, а теперь налей-ка и себе чаю да отрежь хлеба, – велел старик.

Джо так и сделал. И вмиг съел всё до последней крошки, ведь он был очень-очень голоден.

– Хочешь – располагайся прямо у очага и спи вволю, а если останешься, пока я не вылечу руку, можешь за меня поработать.

– А кем вы работаете?

- Королевским дровосеком.
- Откуда вам знать, что я справлюсь?
- Я же видел, как лихо ты топором владеешь. Дерево, что меня прижало, одним ударом разрубил. Так что сходи-ка ты утром к королю да скажи, что будешь работать вместо меня.

IV

На коврике у очага спалось крепко. Но проснулся Джо ранёхонько, накормил старика, собак и котёнка, убрал и подмёл пол. Переделав всю работу, он спросил дорогу к королевскому дворцу. Старик объяснил, что дворец стоит в центре города, а город – в трёх милях к северу от хижины. Он посоветовал Джо захватить с собой королевский топор с выжженной на древке короной, чтоб ему поверили и не прогнали из дворца как самозванца. И Джо отправился навстречу новым приключениям.

Выйдя на опушку леса, он услышал за спиной тихое мяуканье и, оглянувшись, увидел, что золотистый котёнок увязался за ним следом. Не хотелось Джо возвращаться, снова сунул он пушистый комочек за пазуху и пошёл дальше. Вскоре вырос перед ним город – столица той страны, где он родился и прожил всю жизнь. У городских ворот высокий страж преградил Джо путь:

- Что за дело у тебя в столице?
- А какая разница? – поинтересовался Джо.
- Да никакой, – ответил страж. – Всё равно мне строго-настрого приказано никого не впускать и не выпускать.

– Что ж, нельзя так нельзя.

Джо решил, что такой, видно, в городах порядок: никуда нельзя. Только в лесах свобода – ходи куда вздумается. Он повернул было назад, но страж схватил его за плечо:

– А откуда у тебя королевский топор?

Джо вкратце рассказал свою историю, и страж распахнул ворота:

– Твоё дело важное, королевское. Значит, ты должен войти. Если тебя остановят, покажи топор, он у тебя вместо пропуска.

Никто, однако, не останавливал Джо. Никогда прежде не видел он столько домов и магазинов, церквей и храмов, башен и колоколен, куполов, шпилей и флюгеров. Город копошился, точно огромный муравейник, люди сновали туда-сюда, всюду совали свой нос, заползали в каждую щель и трещину. Чем ближе подходил Джо к дворцу, тем больше суматохи было вокруг. Дворец тоже жужжал, как пчелиный рой: придворные и пажи бегали взад-вперёд, вверх-вниз и ломали в отчаянье руки. Джо проскользнул незамеченным по дворцовым коридорам и добрался до тронного зала. Он был пуст, лишь красивая заплаканная девочка стояла возле трона. В белом платье, с шелковистыми светлыми волосами, она напомнила Джо его щенка. Пожалев девочку, он подошёл к ней и спросил:

– Может, у тебя болит что? Так покажи, я мигом вылечу.

И сквозь всхлипы едва расслышал ответ:

– Болит, да так, что мочи нет терпеть.

– Что болит? – спросил Джо.

– Душа.

– Да-а, душу лечить непросто. Почему же она разболелась?

– У меня котёнок потерялся, – сказала девочка и зарыдала пуще прежнего.

– Я тебе взамен своего дам, – предложил Джо.

– Мне только мой нужен! – всхлипывала девочка.

– Но у меня чудесный котёнок, я его вечером в лесу подобрал, – принялся уговаривать Джо. – Редкой золотистой окраски, а глаза – словно тягучий мёд! – И Джо вытащил из-за пазухи котёнка.

– Это же и есть мой котёнок! – воскликнула девочка.

Мгновенно осушив слёзы, она выхватила из рук Джо золотистый комочек и осыпала поцелуями. Потом, потянув за золотую цепочку, позвонила в золотой колокол, что висел под потолком посреди тронного зала. Зал тут же заполнился людьми: все, от поварёнка до короля, сбегались посмотреть, что случилось. Ведь в золотой колокол звонили только по великим праздникам.

Принцесса – а девочка была самая настоящая принцесса – вскочила на трон, показала всем котёнка и воскликнула, кивнув на Джо Джолли:

– Этот юноша нашёл моего Медочка!

Все возликовали; новость со скоростью света облетела дворец и выплеснулась на улицы. Через пять минут город вернулся к повседневной жизни, распахнулись городские ворота, а король спросил Джо Джолли, чем его наградить.

Джо с радостью попросил бы в награду саму принцессу: она была совсем под стать его щенку – и волосы шелковистые, точно уши щенка, и глядит доверчиво, как маленький спаниель. Но принцессу ему, понятно, не отдадут. Поэтому он ответил:

– Я хотел бы поработать королевским дровосеком, покуда сам дровосек не поправится.

– На твоём веку он вряд ли поправится, – сказал король, немало озадачив Джо. Но парень побоялся спросить, что к чему, и решил, что короли вправе говорить как им вздумается, даже загадками.

– Дай-ка мне топор, – велел король. – Да, верно, это королевский топор. Стань на колени и преклони голову.

Джо испугался: не вздумал ли король отрубить ему голову? Но послушно стал на колени и почувствовал сзади, меж лопаток прикосновение холодноватого обуха топора. Король произнёс:

– Встань, королевский дровосек! Раз в месяц приходи за указаниями к лесничему. И каждое утро перво-наперво отсылай отборные дрова для покоев принцессы.

Джо очень обрадовался приказу. Он пригладил вихор на лбу и улыбнулся принцессе, но она уже отвернулась и что-то нашёптывала котёнку в самое ушко. Тогда Джо снова пригладил вихор и откланялся.

В дровосековой хижине было всё по-прежнему.

– Как дела? – спросил старик.

– По-моему, отлично, – ответил Джо Джолли. – Котёнок оказался принцессин, поэтому король назначил меня королевским дровосеком, покуда вы болеете.

– Покуда болею? Так и сказал? – переспросил старик, таинственно усмехнувшись.

– Да вроде так, – неуверенно сказал Джо.

– Значит, так тому и быть, – произнёс старик. – А поскольку жить нам придётся вместе, зови-ка ты меня Папаней. Так меня сын называл, славный был сынок и добрый, мне приятно это слово слышать.

V

Джо не ожидал, что Папаня сляжет так надолго. Месяц шёл за месяцем, а сломанная рука всё никак не срасталась. Но рука – ещё полбеда. Старик вовсе не вставал с постели – сильно, видать, пошатнулось его здоровье. И, устраиваясь на ночлег у очага, Джо уже не вспоминал, что во всякий день его новая жизнь может кончиться. Работа стала привыч-

ной, день шёл за днём. Так минул целый год. Щенок вырос в великолепного красавца спаниеля, ростом не меньше матери, но Джо всё кликал его щенком, всё он казался ему маленьким. Старая спаниелиха больше полёживала в доме, возле очага, или грелась на солнышке у порога. Зато щенок не отставал от Джо, бегал за ним по всему лесу, и парень любил его больше жизни. С тех пор как Джо получил работу, он из лесу не выбирался, лишь раз в месяц приходил на опушку, к дому королевского лесничего. Джо появлялся там поутру в первый день месяца и всегда заставал у лесничего хорошенькую горничную по имени Бетти. Она служила во дворце и, похоже, обожала прогуляться по росистой травке перед дневными хлопотами.

Когда она уходила, лесничий задавал Джо урок на месяц. Где бы ни рубил Джо дрова, он всякий день начинал с вязанки для принцессы: выбирал древесину, которая сладко пахнет, и прикреплял к вязанке маленький дар леса. В любое время года находил он для принцессы букет: весной – подснежники и фиалки, летом – колокольчики, дикую розу и жимолость, осенью – разноцветные листья и ягоды, и даже зимой – вечнозелёные веточки.

Когда Джо стукнуло девятнадцать лет – а случилось это в первый день июня, – он, по обыкновению, пошёл к лесничему. А там, как водится, уже сидела Бетти в полосатом шелковом платье и сыпала словами ещё быстрее обычного.

– Да! Вот так! Представляешь? Она чего-то хочет, только никто не понимает, что именно, а она не признаётся! То тоскует, то поёт, то дует, то смеётся, переменчива, как погода. Ни отцу не признаётся, ни матери, ни нянюшке. Даже мне не говорит! А доктор грозит, что, если не получит она, чего ей хочется, – совсем зачахнет и умрёт от тоски.

– Что же делать? – спросил лесничий.

– Король объявил: кто развеет принцессину тоску и исполнит её желание, сам получит всё, что пожелает! В последний день месяца во дворце соберётся Великий Сход, каждый что-нибудь предложит, потом обсудят... Ой! Колокол звонит! Уже восемь утра! А ты всё меня сплетничать заставляешь! Меня по твоей милости уволят!

Лесничий не стал её удерживать, только чмокнул на прощанье в щёчку, а она в ответ оттащила его за уши и убежала – аж каблучки засверкали. Засмеявшись, лесничий сказал:

– Огонь-девка!

И принялся объяснять Джо, где и что рубить ему в июне месяце. Наконец Джо отправился восвояси, пытаясь удержать в голове все наказания лесничего, но в душе его, в самой глубине, поселилась тревога. Так сильно он тревожился и жалел принцессу, что даже не заметил, что нет рядом щенка-спаниеля. Не резвился, не приплясывал вокруг Джо его любимец, даже на свист не прибежал, а на хозяйский свист, как известно, каждый приличный пёс обязан являться. Запутал, значит, где-то щенок, играючи, и свиста не услышал.

К полудню, однако, спаниель объявился, прибежал на стук хозяйского топора – весёлый и довольный. Только дома, вечером, не притронулся к еде. Может, заболел? Нет, решил Джо, раз весел щенок – значит, здоров.

В ту ночь приснился Джо чудесный сон. Только устроился он возле очага, где тлели последние угли, пришёл сон, словно явь: Джо показалось даже, что он вовсе не спит. Увидел он во сне щенка – нос к носу с мамой спаниелихой. Она положила морду меж шелковистых лап и глядела на сына искоса, приоткрыв умный карий глаз. Сон был воистину чуден: Джо услышал, как разговаривают между собой его собаки, и понял каждое слово.

– Что стряслось, сынок? Голодать вздумал?

– Да ни за что на свете! Я, матушка, сытёхонек!

– Где ж ты ел?

– У короля на заднем дворе.

– Что ты там делал?

– К подружке бегал.

– Что ещё за подружка?

– Кошечка.

– Кошка? Постыдился бы!

– Да это же моя молочная сестра!

– Ах, эта...

– Она теперь принцессина кошка.

– Ну и как она выглядит?

– Золотая, точно мёд.

– Верно, шипит и фырчит, как все кошки.
– Да, шипит и заодно тайны вышёптывает.
– Чьи тайны?
– Принцессины.
– А она их откуда знает?
– Да она кладёт её на плечи и шепчет в самое ухо.
– Чьи плечи и чьё ухо?
– Принцессины плечи и кошкино ухо.
– Ну и что же у принцессы за тайны?
– Она считает, что ей пора получить любовное послание.
– А-а-а... – Тут спаниелиха зевнула и закрыла глаза. Сам Джо, должно быть, тоже заснул покрепче, и чудный сон кончился.

Но поутру Джо отчётливо припомнил свой сон – так ясно и ярко, будто наяву. Может, это вовсе не сон? В замешательстве поднял он глаза на Папаню, и тот спросил:

– Что тебя гложет, сынок?
– Да сон странный приснился, – ответил Джо. – Вот и не знаю – делать ли, что сон велит.
– А славно ли выйдет, коли сделаешь?
– Может, барышне хорошей зацахнуть не дам...
– А не выйдет ли плохо?
– Вроде нет. Ничего плохого выйти не может.
– Тогда делай, что сон велит, – посоветовал Папаня. И Джо тут же, до работы, уселся и написал любовное послание. Грамотей он был никудышный, и письмо поэтому получилось коротеньким, но зато очень содержательным. Написал он так:

Моя любимая!

Я люблю тебя, потому что ты – как мой щенок.

Джо Джолли

Затем Джо сложил письмо – закапанное чернилами и изрядно потрёпанное. Но слова вполне можно было разобрать, а это в любовных посланиях – самое главное. Довольный собой, Джо взял письмо в лес, сунул его в букетик смолёвки, привязал букетик к принцессиной вязанке... да и выбросил всю эту историю из головы на целый месяц. Лишь Бетти, которую он застал у лесничего первого июля, напомнила ему о том, что случилось.

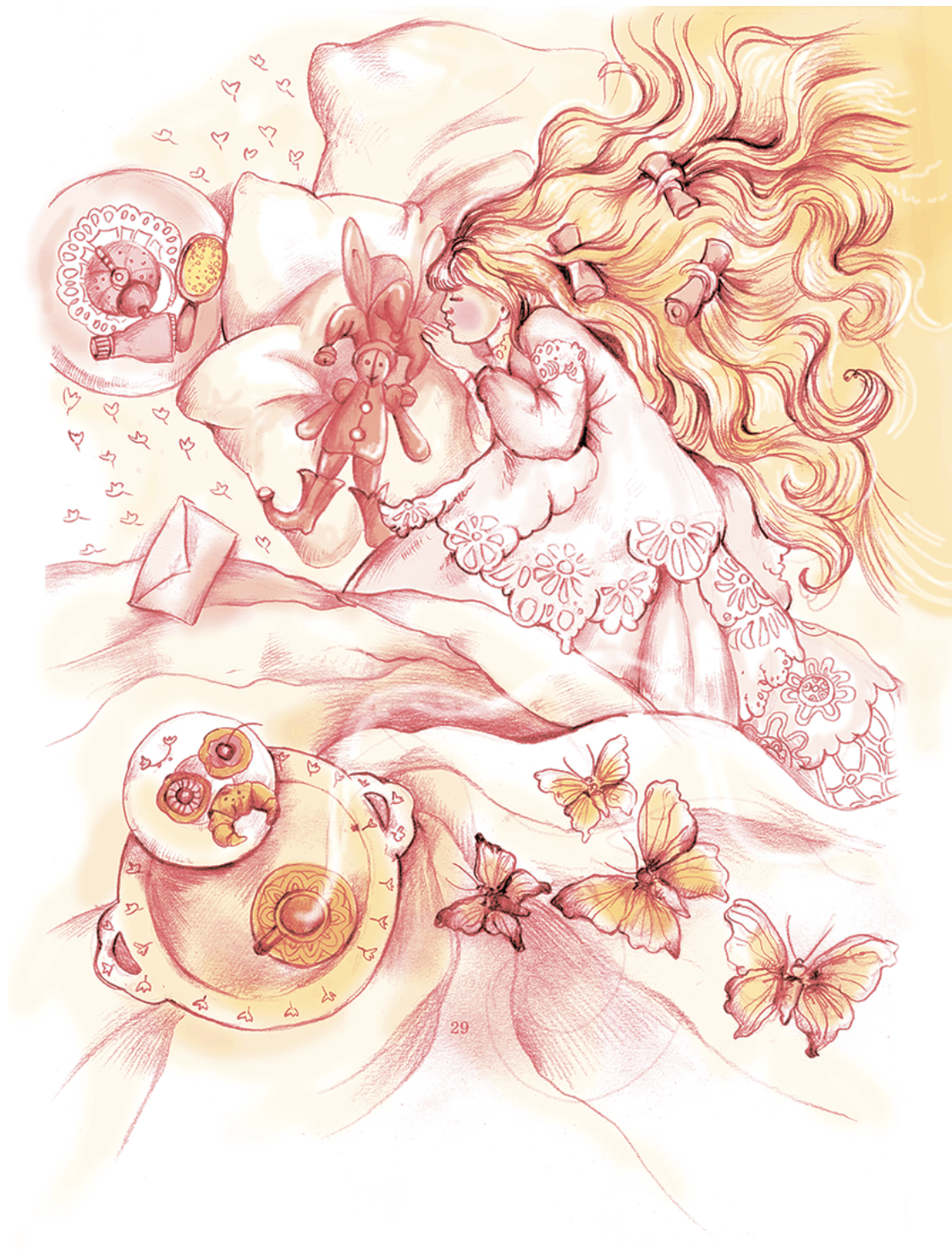
– Вот так всё и кончилось! – тараторила она. – Слава тебе Господи! Собрался вчера Великий Сход, а принцесса возьми да и скажи: «Нечего вам головы ломать, я уже получила, что хотела!» – и смеётся. Но что это было, она так и не сказала. Конечно, теперь это уже не важно – ведь принцесса порхает, как птичка, и доктор к нам дорогу забыл.

VI

Так, мирно и безмятежно, прошёл ещё год. Работа была в радость, собаки резвились, крыша не текла, еды всегда было вдоволь; правда, Папаня всё болел, с постели не поднимался, и Джо по-прежнему спал на полу. Первого июня, в день своего двадцатилетия, Джо со спаниелем, как водится, отправились к лесничему, а Бетти, как водится, была уже там. «И впрямь любительница прогуляться по росе под птичье щебетанье», – подумал Джо. В то утро, однако, Бетти была грустней обычного, хотя и тараторила без умолку:

– Да! Вот так! Всё как год назад! Снова-здорово! Насилу допытались, что она опять чего-то хочет, но чего – ни в какую не говорит! И отец её упрасивает, и мать умоляет, и нянька улещивает, и я уговариваю! Доктор ходит каждый день, да всё без толку. Он счи-

тает, что этак она у нас с тоски умрёт, если не получит, чего ей хочется. На последний день июня снова назначен Великий Сход, там и решат, чего же хочет принцесса, – раз сама не признаётся. Ну а тому, кто её желание исполнит, дадут всё, что пожелает, хоть... Ой, мамочки! Колокол-то восемь бьёт! Болтаю тут с тобой, болтаю, а принцесса из-за тебя без шоколада останется!

И Бетти умчалась прочь. Но прежде-то, конечно, лесничий её крепко поцеловал, за что и получил хорошую оплеуху. Глядя вслед Бетти, он проговорил:
– Ух и девка! Огонь!

Потом Джо выслушал все указания лесничего и тоже ушёл. На сердце у него было тревожно. Если принцесса ждёт ещё одно любовное послание, так ему и написать больше нечего! А первое письмо, похоже, уже отслужило своё... В смятении Джо опять не заметил, что щенок исчез. К полудню, однако, примчался: носился вокруг хозяина с радостным лаем и махал хвостом – Джо даже отбросил топор и устроил с ним весёлую потасовку. Но вечером спаниель к еде не притронулся. Тут-то Джо и вспомнил, что такое уже было раз, причём ровно год назад. События того дня припомнились так ясно, что Джо сам не заметил, как задремал, и снова услышал разговор спаниелихи с сыном:

– Эй, сынок, ты что это? Косточкой брезгуешь? Не захворал ли?

– Да ни за что на свете! Просто я мяса наелся.

– Где же ты его взял?

– На королевской кухне.

– А что, интересно, ты там делал?

– Подружку навещал.

– Какую такую подружку?

– Кошечку.

– Кошку?! Стыд-позор!

– Да это же твоя молочная дочь!

– Ах, эта... Ну и как она выглядит?

– Золотится, точно мёд.

– И шипит, наверняка, как всё кошачье отродье.

– Конечно, шипит и тайны вышёптывает.

– Опять принцессыны?

– Да. Принцесса ей все тайны поверяет.

– И что у неё нынче за тайны?

– Теперь ей хочется получить в подарок кольцо.

– А-а-а... – Спаниелиха зевнула, прикрыла глаз шелковистым ухом и заснула. На том и сон кончился.

Потру вспомнил Джо собачью беседу до последнего слова. Может, они и впрямь разговаривали? То ли было, то ли нет? Никак Джо решить не мог. И тут Папаня с кровати окликает:

– В чём загвоздка?

– Да сон какой-то странный привиделся. Теперь не знаю, делать ли, что сон велит.

– Что будет, если сделаешь?

– Может, спасу от смерти хорошую барышню.

– А если не сделаешь?

– Верно, умрёт.

– Тогда послушайся своего сна, – посоветовал Папаня.

И вот, нарубив дров для принцессы, Джо надел материно медное колечко на стебли диких роз, сунул букет в вязанку... И выбросил всю эту историю из головы на целый месяц. А первого июля Бетти, как всегда, сидела у лесничего на пороге и трещала без умолку.

– Да, верно говорят: после дождя – ведро, а после ночи – ясный день. Собрался вчера Великий Сход, но не успели глашатаи и рта раскрыть, как принцесса заявляет: «Нечего головы ломать, я уже получила, что хотела». А что получила, про то – молчок. Так мы и не знаем, отчего она кручинилась, да и не важно. Доктора отослали, король с королевой успокоились, а принцесса наша, как пташка, поёт.

VII

Увы! Год спустя, когда Джо стукнуло двадцать один год, горничная снова принесла невесёлые вести. Джо застал её утром у лесничего в слезах и печали:

– И есть не ест, и спать не спит! Ходит белая, как полотно для наволочки! То в уголок забьётся и плачет, то в небо уставится и от всего отказывается, что ни предложи. На всё один ответ: «Спасибо, не надо». Сидит со своей кошкой в обнимку, а доктор уже волосы на голове рвёт, отец обезумел, мать в отчаянии, нянюшка твердит: «Господи спаси!» Даже я не могу из принцессы вытянуть, какая тоска её гложет. Одно знаю: не получит она, чего хочет, – в могилу сойдёт. Король назначил на конец июня Великий Сход. А уж кто принцессино желание исполнит – проси чего душе угодно! Ой, никак восемь бьёт? Мне же на работу пора! Вечно ты, лесничий, со своими сплетнями!

Бетти припустила было бегом, но лесничий перехватил её и поцеловал, а она в ответ оттаскала его за чуб и умчалась.

– Вот это девка! Огонь! – Лесничий прицокнул языком и объяснил Джо, что ему делать в июне месяце.

Солнце стояло высоко, Джо уже намахался топором, но ему всё мерещилась могила, в которую сойдёт принцесса. И он ничего кругом не замечал. Не заметил даже, что нет рядом щенка-спаниеля. А тот вскоре и появился, печально поджавши хвост. И Джо ничем его не мог развеселить. А поскольку Джо и сам был невесел, день не заладился. Домой они оба пришли хмурые, к еде ни тот ни другой не притронулся. Джо растянулся на коврике у очага, и Папаня, чей глаз был по-прежнему остёр, спросил:

– Appetita нету?

– Вроде того... – ответил Джо и заснул тяжёлым и беспокойным сном.

И во сне спаниелиха тоже спросила:

– Appetita нету, сынок?

– Вроде того...

– Верно, опять во дворце объелся?

– Ни косточки! Ни кусочка! Я просто подружку навещал.

– Что ещё за подружка?

– Кошечка.

– Какой срам! Позор на мою седую голову!

– Отчего же, матушка! Это же наша медовая кошечка.

– Ах, эта... Ну и как она?

– Точно мёд золотится.

– И шипит, разумеется?

– Только секреты вышёптывает.

– Чьи же?

– Принцессины.

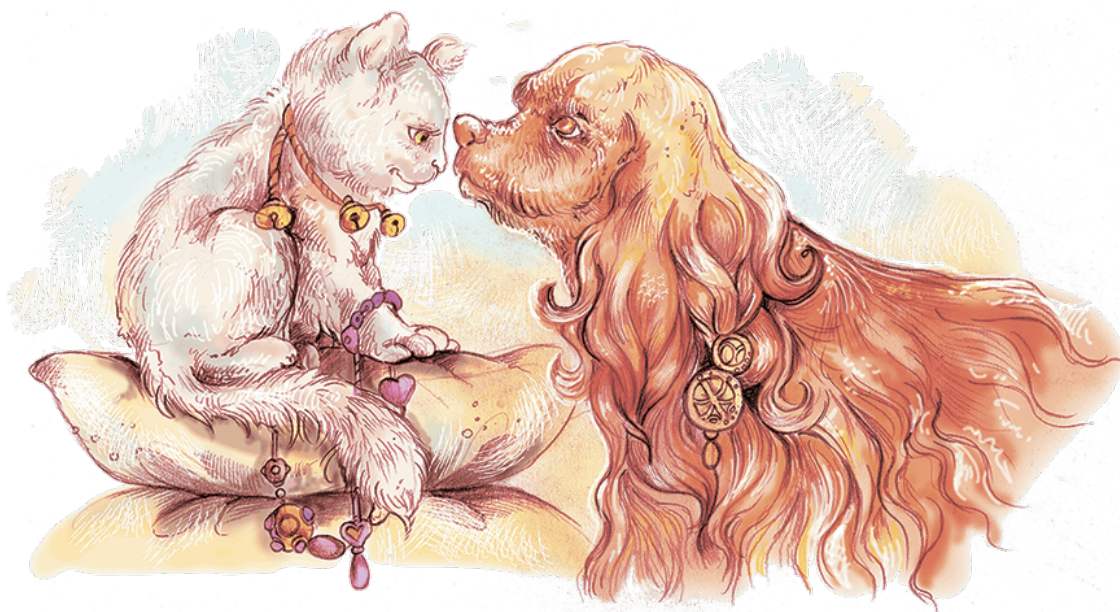
– И что она желает получить на сей раз?

– Меня.

– Тебя? А откуда она тебя знает?

– Меня кошечка в принцессин будуар водила.

– Да как она посмела?! Она мне больше не дочь! Отвести в будуар тебя – дворового пса! Позор!

Спаниелиха прикрыла глаза лапой, и разговор на этом закончился. Джо тревожно метался всю ночь, а наутро не мог решить: во сне или наяву привиделся ему этот ужасный разговор. Но сердце его болело уж точно наяву, и Папаня заметил беду сразу:

– Что с тобой, сынок? – спросил он.

– Да мне сегодня опять сон приснился. Не знаю, делать ли, что сон велит.

– Что будет, коли сделаешь?

– Может, барышню хорошую от могилы уберегу.

– Это дело хорошее, доброе. А беды от этого никакой не будет?

Джо потрепал спаниеля за шелковистые уши и ответил:

– Разве что сам от тоски зачахну.

– И в могилу сойдёшь?

– Я же мужчина – переживу как-нибудь.

– Не тебе первому тоску в сердце носить – люди всяко живут. А вот кто в могилу сошёл, того не веротишь.

– Ясно, – сказал Джо.

И отправился на работу, свистнув щенку, чтоб бежал следом. Под вечер нарубил он для принцессы лучших во всём лесу дров и привязал к ним своего спаниеля. Щенок глянул на Джо грустно, укоризненно, попытался было за ним побежать, волоча за собой вязанку. Но Джо Джолли строго сказал: «Сидеть!» – и ушёл побыстрее домой.

VIII

Горше того июня не было у Джо времени за всю жизнь. Он бодрился – ради Папани и спаниелихи, но Папаня и сам притих, а спаниелиха тосковала о щенке. И Джо перемогал свою боль один-одинёшенек. В последнее утро июня, когда лес стоял залитый солнцем, Папаня сказал:

– Джо, нельзя работать год напролёт без перерыва. Отдохни денёк.

– А зачем? – удивился Джо.

– В город сходишь: на людей посмотреть, себя показать.

И тут Джо осенило, что в городе можно увидеть не только людей, но и его любимого вислоухого щенка. Джо так захотелось заглянуть в его влажные карие глаза, услышать его

весёлый лай – сердце чуть из груди не выпрыгнуло. И Джо решил последовать Папаниному совету – работу дневную он и завтра справит, можно и отдохнуть денёк.

Он немедленно отправился в путь. Вышел из лесу и поразился: дорога забита людьми, не протолкнёшься! Тут он вспомнил, что это день Великого Схода, и с радостью влился в людской поток. Сегодня во дворец пускают всех подряд, он войдёт туда по праву, а уж там-то наверняка найдёт своего щенка! Второй раз в жизни вошёл он в дворцовые ворота и вместе с толпой попал коридорами в тронный зал.

И вот все в сборе. Стоя в людской гуще, Джо видел только головы короля и королевы да пики королевских стражей. Взыграла труба и глашатай попросил тишины. Все смолкли, и он провозгласил:

– Если кто-либо из подданных короля знает, чего хочет принцесса, пускай скажет.

Но никто не успел и рта раскрыть, как зазвенел принцессин голосок-колокольчик:

– Нечего вам головы ломать! Я получила, что хотела!

– Что же?! – воскликнул король.

– От кого?! – воскликнула королева.

– Ничего больше не скажу, – ответила принцесса. – И пускай все уходят.

Снова взыграла труба, и глашатай велел всем расходиться. Толпа рассеялась, и Джо остался один в опустевшем зале перед высоким двойным тронном, на котором восседали король с королевой. Принцесса же сидела у ног отца, держа на коленях медовую кошечку, а рядом свернулся спаниель. Вдруг он радостно гавкнул, взвился в воздух, в два прыжка пересёк зал и принялся лизать лицо Джо, упёршись шелковистыми передними лапами ему в плечи. Пёс скулил и тявкал, не в силах выразить свою безмерную радость. Джо обнял его и заплакал.

Во дворце поднялся переполох. Что это? Кто это? Что происходит? Принцесса вскочила и уткнулась носом в кошачью шёрстку – не то плачет, не то смеётся. Король спросил Джо:

– Кто ты?

– Я – королевский дровосек, – ответил Джо.

– Верно. Я тебя вспомнил! Но принцессин пёс тебя за хозяина принял.

– А он и был его хозяином, – объяснила принцесса. – А теперь его хозяйка я! Этот юноша подарил мне своего спаниеля, потому что именно этого я и хотела.

– О, так я наконец могу выполнить обещание! – обрадовался король и подозвал Джо поближе.

– Чего ты желаешь, дровосек? Скажи, и я всё исполню.

Принцесса взглянула на Джо, Джо взглянул на принцессу. Как и в первую встречу, она была в белом платье, шелковистые локоны обрамляли лицо. Но Джо знал: нельзя ему просить то, чего он хочет больше всего на свете. И тогда он сказал: «Может, у вас найдётся лишний матрас, чтобы мне на полу не спать».

– Я подарю тебе лучший матрас в королевстве, – объявил король.

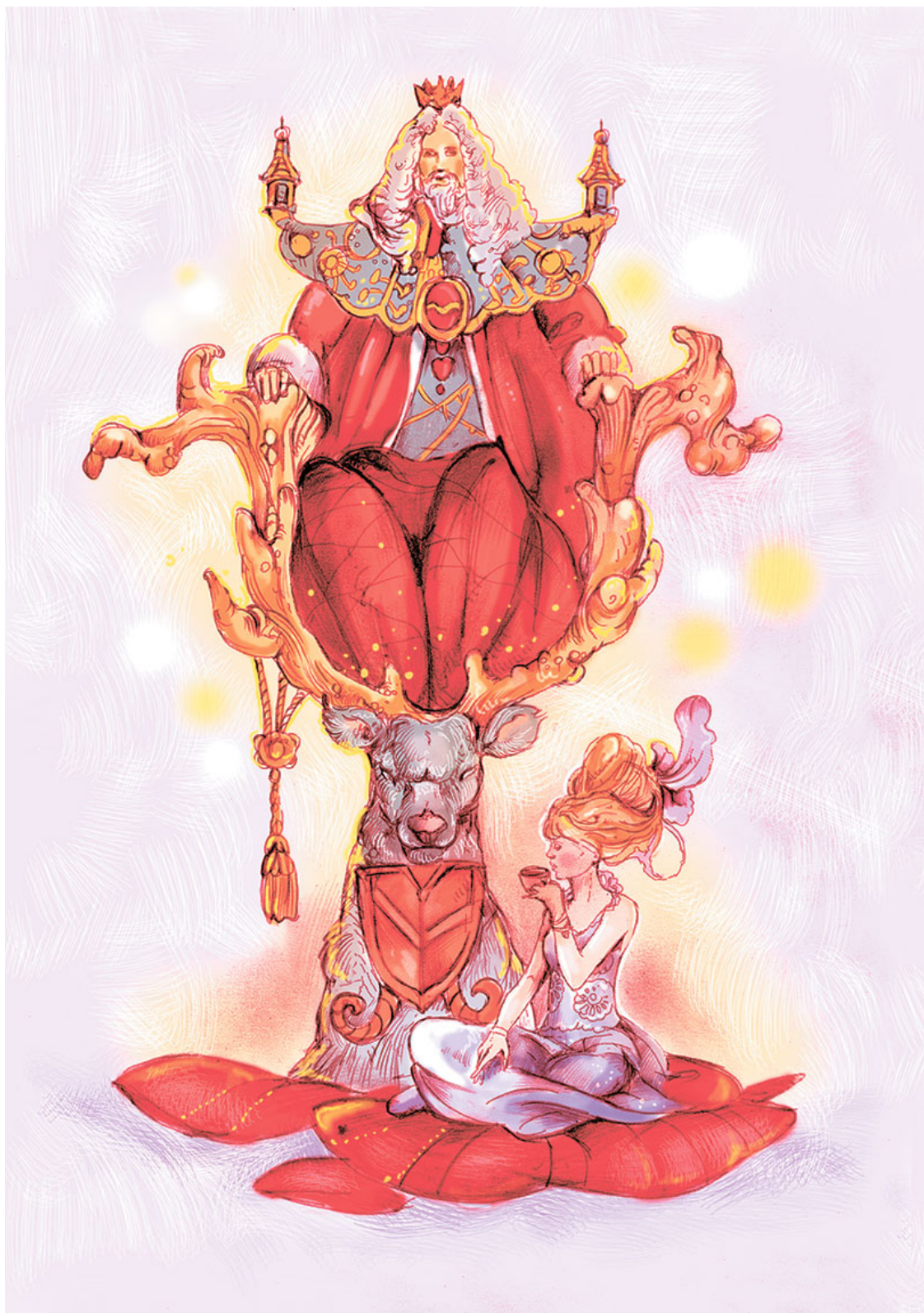
Но принцесса поспешно сказала:

– Ему надо ещё что-нибудь дать, ведь он и в прошлом году моё желание исполнил! –

И она показала всем медное обручальное колечко.

Король слово держать умел, он снова повернулся к Джо и спросил:

– Чего ещё ты хочешь?

Джо крепко прижал спаниеля к груди, но попросить его назад он тоже не смел: ведь принцесса умрёт от тоски, если он заберёт щенка. И тогда Джо сказал:

– Там, где я жил раньше, осталась отцовская табуретка. Я бы хотел её забрать, если, конечно, новому дровосеку есть на чём сидеть.

Король благосклонно улыбнулся и сказал:

– Тебе доставят табуретку сегодня же, а на её место я велю поставить лучшее кресло в королевстве.

Тут король махнул рукой: иди, мол, дровосек восвояси.

Но принцесса поспешно воскликнула:

– Нет, папенька, пусть он и третий подарок попросит, потому что он и в позапрошлом году моё желание выполнил. Он прислал мне вот это... – И она вытянула из кармашка истёртое, заляпанное чернилами любовное послание. Теперь оно и вовсе было зачитано до дыр. Король с любопытством взял листок, развернул и прочитал во всеуслышание:

Моя любимая!

Я люблю тебя, потому что ты – как мой щенок.

Джо Джолли

Зардевшись, принцесса зарылась лицом в шерстку медовой кошечки.

– Это ты Джо Джолли?

– Да, ваше величество.

– Это ты написал?

– Да, ваше величество.

– И это правда? – спросил король.

Джо перевёл взгляд с белого шелковистого спаниеля на принцессу с шёлковой головкой и в белом платье – и в третий раз твёрдо сказал:

– Да, ваше величество.

– Тогда, – сказал король, – снова проси то, чего ты хочешь больше всего на свете.

Джо глянул на своего щенка. Но, увы, его не попросишь... Джо лишь крепко поцеловал его меж карих глаз и посмотрел на принцессу, но она отвернулась. Надо что-то попросить...

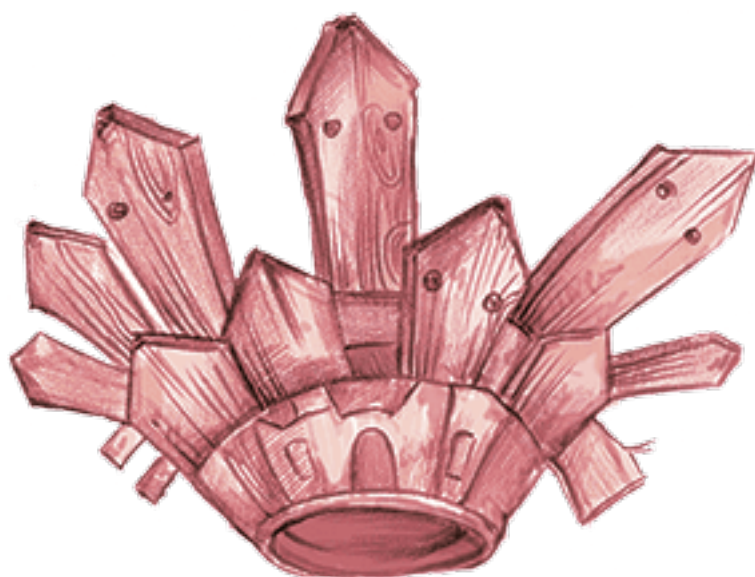
– Раз нельзя забрать щенка, я заберу медовую кошечку, – произнёс Джо.

– Нельзя мою кошечку без меня забирать! – живо откликнулась принцесса.

– И собаку мою без меня тоже нельзя забирать, – ещё живее ответил Джо.

– Да будет так! – перебил их король. – Полгода живите в дровосековой хижине, а полгода – во дворце. И пёс с кошкой пускай с вами живут.

В тот же вечер Джо Джолли отвёл свою невесту в лесную хижину. Медовая кошечка урчала у принцессы на руках, точно аэроплан, а щенок радостно носился вокруг и всё норовил попасться под ноги счастливой паре. В очаге весело потрескивали поленья, стол был накрыт к ужину, на кровати лежал мягкий матрац, а у огня стояла табуретка старика Джона Джолли. Только спаниелихи нигде не было, и Папаня куда-то исчез... Когда же наутро Джо отправился на поиски, лесничий рассказал ему, что прежний королевский дровосек умер за месяц до появления Джо в их краях, и место его пустовало – все поджидали ладного да рукастого парня, вроде Джо Джолли.

Маленькая портниха

Жила-была совсем юная Маленькая портниха, и ходила она в подмастерьях у Большой портнихи. На самом-то деле эта девочка давно уже стала лучшей мастерицей во всём королевстве: шила прекрасно, кроила чудесно, а платья выдумывала прямо-таки сказочные – никому, кроме неё, таких не выдумать. И Большая портниха отлично об этом знала. Однако смекнула, что, пока девочка мала да скромна, нечего ей нос задирать.

«Не скажу Лотте, что она лучше меня шьёт, она и не узнает, – думала Большая портниха. – А скажу, так сразу уйдёт и откроет свою мастерскую. Мне соперницы не надобны!»

И Большая портниха помалкивала. Даже перестала хвалить Лотту, когда платье удавалось ей особенно хорошо, зато часто бранила – без всякой причины. Лотта, впрочем, не унывала, но истинной цены себе, конечно, не знала. А Большая портниха, как получит важный заказ, сразу к Лотте за советом бежит:

– Маркиза Гоголь-Моголь заказала шёлковое бальное платье. И думает, что ей к лицу нежный персиковый цвет.

– Какая досада! – восклицает Лотта. – Ей куда лучше не в шёлке, а в бархате, и не в персиковом, а в сливовом!

– Именно так я ей и сказала, – подхватит Большая портниха. – А на юбке она хочет семнадцать оборок.

– Бог ты мой! – вздохнёт Лотта. – Ей же надо узкую юбку, только узкую, и очень благородного покроя!

– Вот именно! – подхватит Большая портниха. – Так я маркизе и сказала – главное покрой! Значит, платье сделаем узкое-узкое!

И вместо шёлкового персикового платья в оборках маркизе Гоголь-Моголь шьют строгое бархатное платье цвета сливы. Дамы на королевском балу ахают от изумления и зависти.

– Большая портниха – просто гений!

Но мы-то с вами знаем, что платье придумала Лотта.

Королева любила балы и праздники. Ей уже стукнуло семьдесят, и была она безмужняя и бездетная. И значит, не было в этой стране прямых наследников короны и трона. Впрочем, хоть и не довелось королеве стать матерью, она зато стала тёткой – целых двадцать пять лет назад. Племянник её правил соседним королевством. Но тётка понимала, что со временем оба королевства сольются в одно и править ими суждено молодому королю Ричарду, или просто Дику, как звали его родственники. Если верить молве, он вырос красивым и статным, но знала королева об этом только понаслышке, поскольку не видала его целых двадцать лет. Семьи у Ричарда тоже не было. Королева-тётя не на шутку беспокоилась о наследниках и дважды в год – на Рождество и на день рождения – отправляла племяннику вместе с подарками строгие внушительные письма. Но он неизменно отвечал:

Дорогая тётя Георгина!
Большое спасибо за чудесный пенальчик.
Ваш любящий племянник Дик

P.S. Впереди ещё много времени.

Молодому королю Ричарду было всего двадцать пять лет, а тётке его – целых семьдесят. Пожилым королевам вовсе не кажется, что впереди очень много времени. И однажды наша королева, женщина волевая и решительная, послала племяннику особое письмо – не на Рождество и не на день рождения. Она повелела Дику прибыть к её двору и выбрать себе невесту среди придворных дам, поскольку она, королева, по уши сыта его отговорками. И даже пенальчика ему на этот раз не послала, чтоб не отделался, по привычке, благодарственным письмом, чтоб ответил всерьёз – намерен он жениться или нет. Он и ответил:

Дорогая тётя Георгина, как Вам будет угодно.
Ваш любящий племянник Дик

P.S. А женюсь я только на девушке девятнадцати с половиной лет от роду и с талией в девятнадцать с половиной дюймов. Других не предлагайте.

Королева сразу же собрала всех придворных дам девятнадцати с половиной лет и, перемерив им талии, нашла три подходящие. Тогда королева написала племяннику новое письмо.

Мой дорогой Ричард!
Герцогине Ванилине, графине Карамели и леди Блани Бланманже в декабре исполнится по двадцать лет. Значит, сейчас, в июне, им девятнадцать с половиной. Все три – очаровательные девушки, и талии у них как раз нужного размера. Приезжай и выбирай сам.
Твоя любящая тётя
Королева Георгина

Король на это ответил:

Дорогая тётя Георгина!
Как Вам будет угодно. Я приеду в понедельник. Прошу Вас устроить три бала: во вторник, в среду и в четверг. Пускай каждая из дам потанцует со мной на балу. В пятницу я женюсь на той, которая мне понравится, а в субботу уеду домой.
Ваш любящий племянник Дик

P.S. Непременно устройте балы-маскарады, у меня есть отличный маскарадный костюм.

Письмо это королева получила только в понедельник утром, а король намеревался приехать в тот же вечер! Представляете, как все засуетились, а в особенности – три дамы с осинными талиями! И они конечно же бросились за помощью к Большой портнихе.

Герцогиня Ванилина сказала:

– Сшейте-ка мне самый лучший маскарадный костюм не позже вторника – к первому балу. Да не забудьте прислать манекенщицу, пусть покажет, как его носить.

Графиня Карамель сказала:

– Сшейте мне, пожалуйста, самый удивительный маскарадный костюм, какой только бывает на свете, – это чрезвычайно важно! Доставьте его не позднее среды, ко второму балу. И пускай самая стройная из ваших учениц покажет все его достоинства.

Леди Бланш Бланманже сказала:

– Я умру от горя, если к четвергу, к третьему балу, вы не сошьёте для меня самый очаровательный маскарадный костюм в мире. Наденьте его на самую грациозную маленькую портняжку, дабы я могла воочию убедиться во всех его прелестях.

Большая портниха пообещала по костюму всем троим и, едва дамы удалились, кинулась к Лотте – поделиться новостью.

– Надо мозгами пораскинуть да трудиться не покладая рук, не то не успеем к сроку.

– Я наверняка успею, – бодро сказала Лотта. – Шить буду по очереди: сперва герцогине – к завтрашнему вечеру, потом графине – к послезавтрашнему, а уж после – леди Бланш, к четвергу. Я всё успею. Подумаешь, пару ночей не поспать!

– Отлично, Лотта, – промолвила портниха. – Теперь надо придумать сами платья.

– Герцогиню лучше нарядить Солнечным лучом, ей будет очень к лицу, – сказала Лотта.

– Как раз об этом я и подумала, – вставила портниха.

– Зато графиню лучше нарядить Лунным лучом, она будет просто обворожительна.

– Ты читаешь мои мысли! – воскликнула Большая портниха.

– Ну а леди Бланш нарядим Радугой, и она будет неотразима!

– Мы с тобой просто думаем хором! – обрадовалась Большая портниха. – А теперь... Раскрой-ка все три платья да принимайся за шитьё.

Выкроила Лотта три платья и принялась шить первое – ярко-золотистое, чтоб сияло и переливалось, будто солнечный луч, от каждого движения танцующей герцогини.

Лотта шила весь день и всю ночь, не видела даже, как в город торжественно въехал король Ричард. Наконец во вторник, за час до начала бала, платье было готово.

– Внизу ждёт карета! – сказала ученицам Большая портниха. – Кому-то из вас придётся поехать во дворец и показать герцогине, как носить это платье. Но кого же послать, ума не приложу? Талия-то всего девятнадцать с половиной дюймов...

– Это мой размер, госпожа, – промолвила Лотта.

– Как это кстати! Ну, Лотта, поторапливайся, надевай платье – и в карету!

Лотта надела ослепительной красоты платье, золотые туфельки, маленькую золотую корону с сияющими лучами и, накинув поверх праздничных нарядов свой старый чёрный плащ, побежала к королевской карете. Кучер взмахнул кнутом, и лошади понеслись. Во дворце Лотту встретил ливрейный лакей. Он и проводил её в маленькую приёмную.

– Подождите здесь, – сказал он. – Скоро в соседние покои придёт герцогиня и вызовет вас колокольчиком. Я гляжу, у вас под плащом чудесное платье!

– Это герцогинино, – оживилась Лотта. – В нём она будет покорять сердце короля. Хотите, покажу?

– Ещё бы!

Лотта сбросила с плеч чёрный плащ и засверкала, точно солнечный луч, пробившийся сквозь чёрную тучу.

– Правда, красивое? – радовалась Лотта. – Как вы думаете, устоит король против такой красоты?

– Конечно нет! – уверенно сказал лакей. И, изящно склонившись, произнёс: – Герцогиня, позвольте пригласить вас на этот танец! Окажите мне честь своим согласием.

– О ваше величество! – засмеялась Лотта. – Напротив, это вы оказываете мне честь таким приглашением.

Лакей положил руку Лотте на талию, и они закружились в танце. Жаль только, колокольчик зазвенел некстати – лакей как раз нащёптывал девушке, что она сверкает ярче солнечного луча! Но – пришлось Лотте отправляться к герцогине Ванилине. Той платье очень понравилось. Маленькая портниха показала, как сидеть в нём, как стоять, как кланяться и танцевать. Потом герцогиня надела платье и вплыла в бальную залу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.